

4-94013-р

БОРИС ЧХЕИДЗЕ

2518/5р.

— 100 000 —

РАССКАЗЫ

ПЕРЕВОД С ГРУЗИНСКОГО

„ЗАРЯ ВОСТОКА”

Цена 1 р. 50 к.

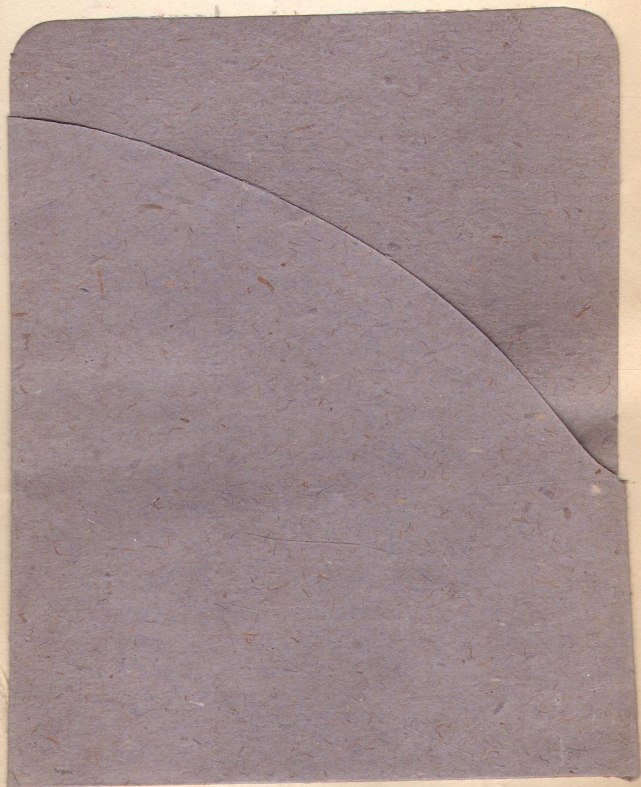
V.N. Karazin Kharkiv National University

00827397

6

T

4970,3-Р.

БОРИС ЧХЕИДЗЕ

РАССКАЗЫ

Перевод с грузинского
ДМИТРИЯ СТРЕЛЬЦОВА

ПРОВЕРЕНО
ИДБ 1945

2518/87

К
ПРОВЕРЕНО
ИДБ 1945

Издательство „Заря Востока“
Тбилиси — 1943 г.

58

7

НАШИ СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Полк оккупационной армии Вильгельма второго неожиданно появился на станции Шорапань. Войска прибыли одним эшелоном, в товарных вагонах. Полковник, не спрашиваясь начальника станции, поставил вагоны к платформе, служившей для погрузки марганцевой руды. Немцы были вооружены с головы до ног.

Станция Шорапань была удобным пунктом. Отсюда немцы господствовали над всем перевальным участком, Зестафони и Чиатурой.

Очутившиеся вдали от полей сражений, достигшие в своем воображении «мирового господства» баварские и саксонские солдаты вели в вагонах беззаботную жизнь и весело проводили время.

Немцы никого не подпускали к себе и сами ни с кем не сближались, а держали себя надменно и отчужденно, словно спустившиеся с неба высшие существа.

Всякий чувствовал, что не к добру прибыло сюда это чужеземное войско; в надежде разведать, когда они собираются уходить, и если собираются, то в какую сторону, окрестные крестьяне сходились к лагерю посмотреть немцев. А увидеть их было легче всего на учебном поле, в качестве которого служило им широкое булыжное русло пересохшей реки.

На таком вот учении и увидели впервые немцев супруги Цобо и Илларион Грелидзе.

Был воскресный день. Цобо и Илларион вернулись из Зестафони, с праздничного базара рано. Перейдя брод, они присели на бревно и стали глядеть на упражняющиеся немецкие роты и батальоны. Солдаты бегали строем, перепрыгивали через рвы и ложились в укрытия. Некоторые переворачивались через голову. Супруги много смеялись.

Иллариона даже охватил воинственный пыл, и он со вздохом сказал жене:

— Послужить бы в этаких налаженных войсках — я бы сразу оказался офицером.

Дом их стоял тут же, на Шорапанской возвышенности, на расстоянии полуверсты или версты от станции. Небольшой подъем они одолели быстро. Войдя во двор, супруги, словно поссорившись, быстро разошлись в разные стороны. Цобо поспешила к колыбели, чтобы покормить грудью маленького Гогия, который только что проснулся и теребил ручонками привешенные над ним к перекладине колыбели погремушки. Илларион захлопотался в марапи¹. Утром он отнес в Зестафони пробу вина, уговорился о продаже и принес домой задаток. Покупатель должен был подъехать в течение недели на своей арбе и со своим «румби»², что-

¹ М а р а п и — род погреба, где обычно находятся врытые в землю большие кувшины — «квеври» или «чури» — для хранения вина.

² Р у м б и — большой мех для перевозки жидкостей (собств. вина). Большой бурдюк.

Немцы никого не подпускали к себе и сами ни с кем не сближались, а держали себя надменно и отчужденно, словно спустившиеся с неба высшие существа.

Всякий чувствовал, что не к добру прибыло сюда это чужеземное войско; в надежде разведать, когда они собираются уходить, и если собираются, то в какую сторону, окрестные крестьяне сходились к лагерю посмотреть немцев. А увидеть их было легче всего на учебном поле, в качестве которого служило им широкое булыжное русло пересохшей реки.

На таком вот учении и увидели впервые немцев супруги Цобо и Илларион Грелидзе.

Был воскресный день. Цобо и Илларион вернулись из Зестафони, с праздничного базара рано. Перейдя брод, они присели на бревно и стали глядеть на упражняющиеся немецкие роты и батальоны. Солдаты бегали строем, перепрыгивали через рвы и ложились в укрытия. Некоторые переворачивались через голову. Супруги много смеялись.

Иллариона даже охватил воинственный пыл, и он со вздохом сказал жене:

— Послужить бы в этаких налаженных войсках — я бы сразу оказался офицером.

Дом их стоял тут же, на Шорапанской возвышенности, на расстоянии полуверсты или версты от станции. Небольшой подъем они одолели быстро. Войдя во двор, супруги, словно поссорившись, быстро разошлись в разные стороны. Цобо поспешила к колыбели, чтобы покормить грудью маленького Гогия, который только что проснулся и теребил ручонками привешенные над ним к перекладине колыбели погремушки. Илларион захлопотался в мара¹. Утром он отнес в Зестафони пробу вина, уговорился о продаже и принес домой задаток. Покупатель должен был подъехать в течение недели на своей арбе и со своим «румби»², что-

¹ М а р а н и — род погреба, где обычно находятся врытые в землю большие кувшины — «квеври» или «чури» — для хранения вина.

² Р у м б и — большой мех для перевозки жидкостей (собств. вина). Большой бурдюк.

бы увезти вино. Проданное вино настаивалось в большом чури на чаче¹ от черного винограда. Всего в этом чури было около шестидесяти чапи². Теперь ему нужно было отцедить вино, отделить от проданного вина часть, предназначенную для домашнего расхода, и от этой последней — неприкосновенный запас, так как до следующего урожая было еще далеко.

Чачи и винной гущи оставалось не менее трех котлов. Эту чачу он собирался, отцедив вино, перегнать в тот же вечер на водку, а на завтра вывезти ранние семена для посева.

Был теплый, солнечный весенний день. В виноградниках цвели персиковые деревья. Словно оснеженные, стояли сливы — ткемали и алыча. Тихий западный ветерок колебал лепестки их белых цветов.

В опорожненном винном «квеври», словно буравом, работал скребницею

¹ Ч а ч а — виноградные выжимки. Вино настаивают на чаче для густоты и цвета.

² Ч а п и — мера вина, несколько больше ведра.

«сарцхели»¹ Илларион. Время от времени между делом он оглядывался на открытый балкон своего дома, где мать его Пелагия укачивала на солнышке внука, дергая ногой за бечевку, привязанную другим концом к колыбели, и в то же время опытными пальцами проворно вязала чулок.

Цобо возилась на кухне с обедом— Иллариону видно было и ее сквозь открытую дверь. Шум сарцхели, благоухание цветов, весеннее тепло как-то приятно дополнялись шлепаньем кусков теста о доску и запахом свежеспеченного мчади².

Солдаты устали от ученья. Пот струился по их утомленным лицам, подмышки и спины под куртками были мокры, как у лошадей после скачки. Минуты казались часами. Люди то и

¹ Сарцхели — особая щетка из напизанных на шест листов твердой древесной коры, которою скребут стенки винного «квеври», чтобы отмыть осадок.

² Мчади — кукурузный хлеб.

дело украдкой оглядывались на большеухого и остролицего полковника, в надежде услышать, наконец, приказание вернуться в лагерь.

В конце концов утомленные солдаты слышали это приказание. После возвращения на станцию фельдфебель Вебер и ефрейтор Штуце отошли в сторону.

— Ну, как, приглядели вы что-нибудь в деревне — спросил Вебер у Штуце.

— В этой стране и приглядывать ничего не нужно — это не то, что Германия: в каждом доме найдется что-нибудь для наполнения живота—вино и много чего другого.. Мне довелось раньше работать в одной Чиатурской немецкой фирме, так что с местностью я немного знаком.

Вебер улыбнулся, потом нахмурился снова и, вздохнув, начал со злостью:

— Эх, Штуце! У командования все было точно обдуманно. Я видел своими глазами план, который мы должны были предъявить местному правитель-

ству. Там было все предусмотрено — женщины, и много чего такого, что на родине нам и не снилось.

— Так чего же наши медлят?

— Виноваты проклятые французы. Никак не удастся выбить их из верденских укреплений. Мы проигрываем войну, Штуце, наша судьба висит на волоске. Вот почему мы вынуждены играть роль невинных овечек и преданных друзей... И перед кем? Перед этими азиатами, которых я с удовольствием бы истребил!

— Неужели? — вскричал Штуце.

— Да, да, Штуце! Что поделаться! Приходится сообразоваться с обстоятельствами... Сегодня я — ваш гость, ведите и угощайте, — сказал ефрейтору фельдфебель.

Вебер кликнул одного из солдат своей роты, и все трое пустились в путь по направлению к деревне.

Теплый, яркий весенний день клонился к закату. Окончив чистку квеври, Илларион ополоснул его горячим рас-

твором соды, насыпал серы в черепок, полный горящих углей, и опустил дымящуюся серу внутрь кувшина. Устье квеври он закрыл мокрым мешком, чтобы сернистый газ не ушел из него наружу.

Покончив с чисткой, Илларион откупорил квеври, наполненный вином, и, обставившись мерной посудой, присел на трехногую скамейку.

В ожидании обеда взглянул Илларион в сторону кухни. Но напрасно он прислушивался: Цобо не звала его. Обед запаздывал. Илларион колебался: дожидаться обеда, или сначала кончить с разливом вина, а потом уже утолить голод? В нерешительности он окликнул жену:

— Что ты там делаешь, Цобо?

Цобо не ответила ему. Лишь через несколько времени она вошла в марани, неся в руке курицу со связанными лапами.

— Лучше бы ты не возилась с этой курицей; у меня уже живот прилип к спине! — сказал ей Илларион с упреком, и тотчас же, испугавшись, как бы

жена не приняла всерьез его слов и не унесла курицы обратно, принял птицу, распластал ей шею на брошенном возле ограды пеньке и отхватил ей голову напрочь. Потом он опять повернулся к жене:

— Слушай, — сказал он, — как я решил. Двдцатичаповую я вымыл и вычистил. Туда я отолью вино для продажи. Остальным вином дополню начатую тринадцатичаповую. Вот и все наше вино до нового урожая. Придется посократиться, пока подоспеет свежее мачари¹.

Цобо подсчитала время, оставшееся до сбора винограда, спросила мужа, хватит ли купоросу, посмеялась — кому из них без вина будет труднее? — кивнула в знак согласия и, подобрав остывшую уже курицу, поспешила обратно на кухню.

Там, в кухне, лежали стопкой горячие мчади, калились в ожидании курицы сковороды и в котелке грелась вода для ошпаривания. Свекровь сиде-

¹ М а ч а р и — молодое, бродящее вино.

ла тут же и чистила чеснок для соуса; внучек играл у нее на коленях.

Убедившись, что обед будет не скоро, Илларион занялся переливанием вина. Из вымытого квеври он выпустил едкий серный дух и ополоснул в воде воронку, черпак «оршими» и большую мерную чапи.

Вдруг с дороги до него донесся визгливый собачий лай. Илларион прислушался. Соседская дворняжка пробежала через его двор.

«Чего она бесится?» подумал Илларион и снова принялся за работу. Но тут из зарослей колючек взлетел дрозд и огласил истошным криком всю округу.

Илларион оглядел окрестность, несколько раз покричал:

— Гей!... гей!... гей!...

И, ничего не заметив подозрительного, вернулся к вину. Прежде всего он взял из квеври бутыль вина для освящения. Наполненную посуду он поднес матери, которая вышла в это мгновение на балкон вместе с ребенком.

Старуха спокойными глазами глядела на сына, возившегося в марани, невестку, хлопотавшую на кухне, и на всю цветущую весенним цветением окрестность.

Илларион вернулся в марани, вспомнил кахорского святого Георгия, перекрестился, и только успел опустить черпак в глубокий кувшин, как услышал треск ломаемой, словно под напором тяжелой буйволиной туши, изгороди. Черпак застыл у него в руках.

В марани один за другим ввалились фельдфебель Вебер, ефрейтор Штуце и солдат — спутник фельдфебеля.

Уже около изгороди немцы построились и, положив руки на деревянные кобуры револьверов, четким шагом подошли к встревоженному Иллариону, который, не зная, чего они от него хотят, ожидал их в нерешительности, хотя у него достало бы мужества и силы рассчитаться со всеми троими за это непрошенное вторжение.

Немцы окружили открытый квеври, наполненный вином. Штуце уперся

жирной рукой с тупыми пальцами в грудь Иллариона, отстранил его, подтащил трехногую скамейку и, усевшись около вина с видом хозяина, залез чайным стаканом внутрь сосуда. Густой виноградный сок играл рубиновыми переливами в лучах заходящего солнца.

Штуце с довольным видом промывал что-то на своем языке. Он понюхал вино, отпил из стакана и, трижды произнеся понятное Иллариону, хотя и незнакомое слово: «Гут!... Гут!... Гут!...» — запрокинул голову и сразу опорожнил стакан.

Внезапно Илларион вздрогнул и сделал знак рукой. Немцы заметили это и, оглянувшись, сразу догадались о причине беспокойства Иллариона. Он предупреждал входившую в дверь марани женщину; жест его означал: спрячься, здесь немцы! Женщина эта была Цобо. Она шла в марани с кувшином, чтобы взять вина к обеду.

Илларион опять закивал жене, опять что-то показал ей знаками. Немцы заволновались, что-то замычали. Спут-

ник Вебера вынул револьвер, стал перед Илларионом и заставил его отступить.

Вебер, подскочив к Цобо, схватил ее за руку и притянул к устью квеври. Штуце вскочил и жестами показал Цобо, чтобы она принесла стол, стулья, скатерть и закуску к вину. При этом он угрожающе указывал на солдата: дескать, попробуй не подчиниться, — увидишь, что он сделает с тобой.

Цобо направилась к дому. Пока немцы осушили еще по стакану вина, она вынесла стол, стулья, мчади, головку сыра и пучок луку.

— Гут!... гут!... — одобрили немцы.

Вебер даже улыбнулся ей. Солдат опустил заряженный револьвер. Смягчился и Штуце. Он подошел к Цобо, впился глазами в ее лицо, без стеснения протянул руку к ее толстым косам, брошенным на груди, и откинул их на спину молодой женщины. Наконец, все теми же тупыми пальцами он коснулся ее подбородка.

Судорога прошла по телу Иллариона. От злости и от сознания своего бессилия на лбу у него выступил холодный пот. Но солдат был настороже. Заметив движение Иллариона, он снова поднял дуло револьвера и прицелился ему прямо в грудь.

Илларион попятился и натолкнулся на ствол дерева перед дверью марачи. Солдат не удовлетворился этим, схватил его за ворот рубахи, подтащил к столу и посадил на холмик, насыпанный вокруг несколько выдававшегося из земли устья кевври.

Штуце и Вебер продолжали разговаривать знаками с Цобо. Немцам показалась недостаточной принесенная еда, они требовали еще. Цобо невольно вскричала:

— Клянусь вам моим ребенком, видит бог, у нас нет пшеничного хлеба!— и обвела беспомощным взглядом двор.

Однако, немцы не унимались и продолжали жестикулировать. Штуце стал на четвереньки и захрюкал свиньей. Цобо не могла удержаться от смеха, несмотря на страх и тревогу. Но чего

им было нужно, она не могла взять в толк. Выход был найден фельдфебелем. Вебер направился к дому, поднялся на балкон, влез на перила, сорвал с потолочной балки подвешенный там копченый свиной окорок и бросил его на стол. Штуце отрезал от окорока несколько ломтей перочинным ножом, остальное же отдал солдату, который привесил окорок к поясу, как охотничью добычу. Немцы с жадностью накиннулись на сырую ветчину и с еще большей жадностью на вино. Сок цидки¹ оказал на них свое действие. Лица и без того краснолицых немцев еще больше покраснели, глаза налились кровью, языки развязались. Вебер обнаружил даже великодушие и, наполнив чайный стакан вином, протянул его Иллариону, который сидел, ничего не слыша и не видя, со сведенной от злости челюстью. Но Вебер не отставал от него.

— Выпей, не выводи их из себя! — сказала ему жена.

¹ Цидка — сорт винограда.

Илларион принял стакан и нехотя отпил из него. Во рту у него было противно, словно он выпил не вина, а отравы. Но, возвращая стакан Веберу, он подумал: «Может быть они удовлетворятся этим? Я готов тогда на радостях наполнить им вином фляги, что привешены у них на боку».

Но эта надежда оказалась ложной. Вебер взглянул мутными глазами сначала на Иллариона, потом на Цобо. Во мгновение ока он подскочил к изгороди, собрал около запятнанного еще свежей кровью пенька куриный пух, принес его и показал Цобо. И муж и жена хорошо поняли, чего хотел от них фельдфебель. Он требовал курицу, которую они зарезали.

— Поди, пришли курицу с матушкой, швырни ее этим псам. А сама лучше не показывайся! — сказал Илларион жене. Услышав его голос, ефрейтор заржал что-то солдату; тот поднялся и прицелился из револьвера в затылок Иллариону.

Цобо ушла за курицей. Вебер следил за нею недоверчивым взглядом. Подо-

зрение его оправдалось. Через несколько минут из кухни вышли вместе Цобо и мать Иллариона Пелагия. Старуха несла на тарелке жареную курицу, а Цобо торопливо направилась к калитке.

Вебер вскочил с места, кинулся, вырвал у старухи из рук тарелку с курицей, догнал Цобо, схватил ее за косы и втащил в марины. Поставив тарелку с курицей на стол, он снова повернулся к молодой женщине и толкнул ее, ударив сильными руками в плечи. Цобо, как подкошенная, упала на скамейку.

Штуце и солдат разодрали курицу пополам.

Пелагия бросилась к люльке и прикрыла своим телом ребенка. Сына и невестку она уже не надеялась видеть живыми. Вся во власти единственной мысли — спасти хоть малютку, а там подоспеет на помощь народ, — она била себя в голову и громко кричала.

Штуце неуклюже, как медведь, ворвался на балкон, оторвал старуху от колыбели и оттолкнул ее в сторону. Потом спокойно, словно за подарком,

полез в карман и, вытащив револьвер, приставил дуло к виску ребенка.

Пелагия упала на колени. Ошеломленная, она боялась издать звук, боялась оглянуться в сторону сына и невестки. Штуце этого и было нужно. Довольный, он вернулся к столу, где между немцами завязался оживленный разговор. В результате этого разговора Иллариону связали руки, а солдат Вебера увел его куда-то. Не была забыта и курица, которую запили еще одним стаканом вина. А чесночную подлизку Штуце выпил прямо из тарелки.

Немцы встали из-за стола. Штуце повернулся к фельдфебелю и стал на вытяжку, спрашивая взглядом, каковы будут дальнейшие распоряжения. Вебер взглядом же приказал ему следовать за собой.

Они подошли к Цобо, взяли ее с обеих сторон под руки — Вебер закрыл ей свободной ладонью рот — и повели по лестнице в дом. На балконе Штуце оставил Вебера, подхватил колыбель на руку, словно корзинку, и оттащил ее на кухню, ку-

да отвел и старуху Пелагию. Заперев ее в кухне, он стал снаружи, перед дверью, на часах, словно пугало.

Старуха вскрикнула было еще разок, но Штуце приоткрыл дверь и приложил дуло своего револьвера к виску ребенка.

Пелагия замолкла. Вебер втащил Цобо в комнату и заперся изнутри.

Штуце и окружившие двор Иллариона вооруженные дубинами крестьяне услышали страшный грохот, доносившийся из дома. В одно из окон кто-то изнутри бросил стулом. Стекло со звоном разбилось, и осколки посыпались на землю.

Наконец дверь с шумом отворилась и из нее вылетел Вебер в мундире, разорванном на груди, с исцарапанным в кровь лицом. Он кубарем скатился по лестнице. На балконе мелькнул также силуэт Иллариона.

Штуце стоял на своем посту, неподвижный, как скала. Он никак не мог решить, прийти ли ему на помощь начальнику или продолжать стоять на

месте. Проигрыш сражения Вебером навел его на далеко не приятные мысли.

«Кажется, мы хватили таки через край», — думал он, — «Это все проклятые французы испортили нам дело! А вдруг нас притянут к ответу?» — задал он себе вопрос. «Не так-то легко будет выпутаться».

Но он даже не успел ответить себе на этот вопрос. Из-за ограды раздался выстрел, и Штуце упал с простреленной грудью.

А по двору, шатаясь, бродил фельдфебель Вебер, тщетно ища калитку, через которую он мог бы удрать.

В это время десяток немецких солдат, предводительствуемых ефрейтором, ворвался во двор. Они тщательно обыскали весь дом, заглянули во все закоулки, но Иллариона нигде не могли найти. Затем они ушли и перевернули вверх дном всю деревню, однако Иллариона нигде не было видно.

Наскучив тщетными поисками, они унесли мертвецов — ефрейтора Штуце и солдата, которого также пристре-

лил Илларион — и мертвецки пьяного Вебера. Так ни с чем и вернулись в свой лагерь германские воины.

Наутро все село в тревоге ожидало чрезвычайных событий. Всю ночь никто не смыкал глаз, и утром, спозаранку, несколько человек было отряжено на станцию с целью разведки. Они вернулись очень скоро и принесли удивительные вести. Оккупационные войска немецкого кайзера в течение ночи куда-то исчезли. Лишь через несколько дней крестьяне узнали причину этого исчезновения. Побежденные на родине, в Европе, немцы попросту улизнули из Грузии, сдав свое оружие войскам союзников в Батуми.

Цобо еще две или три ночи подряд снились обезумевшие немцы. Потом она забыла про них и стала ждать возвращения Иллариона, который спас ее от позора. Но Илларион вернулся только через два с половиной года, одетый в нарядную форму командира Красной Армии.

— Что же Пелагия?

— Умерла в свой час.

А ребенок, что спал в колыбели?

До той поры, пока он возмужал и встал в ряды Красной Армии, его в деревне звали Илларионовым Гогией. После же того, как в село пришли вести о его геройских делах на северо-западном фронте отечественной войны, Гогия Илларионов был переименован соседями в Илларионова Георгия.

— Весь в отца, — приговаривали соседи, когда заходила о нем речь, — уж известно, жеребца узнают по породе!

ИСПЫТАННАЯ РУКА

Беда стряслась спустя, примерно, час после начала рабочего дня. «Маленькая Кето», машина, работавшая всегда без перебоев, вышла вдруг из строя. Машина эта — агрегат третьей степени точности — стояла отдельно, в удобном и светлом углу цеха. Уже третью неделю на ней, вместо призванного в Красную Армию Викентия Кодашвили, работал новый человек. И вот, как раз к концу третьей недели, когда все уже думали, что машина подчинилась новому хозяину, «Маленькая Кето» неожиданно взвизгнула, разорвала узкие, как пояски, ремни, выбросила струю масла и швырнула в голову рабочему шарик из разошедшегося сочленения. Рабочего тотчас же отнесли в комнату первой помощи.

А вокруг «Маленькой Кето», с которой ничего не могли поделать работающие по-соседству люди, собрались директор завода, инженер и седой начальник цеха.

«Маленькая Кето» заупрямилась, отказалась работать. Остановилась машина — и какая! Пятнадцать лет работала она без отказа, ни разу не потребовав ремонта. Всегда точная и выверенная как часы, стучала она на своем почетном месте, в углу цеха. Кто из работников завода не гордился «Маленькою Кето», ее точной работой?

— «Маленькая Кето», — говорили рабочие на производственных совещаниях, — это — наша гордость.

И в самом деле, «Маленькая Кето» была единственной не только в своем цехе: машины ее серии были редки и на других заводах.

Ее привезли из Ленинграда; и после того, как ее поставили, отрегулировали и пустили в ход, в работе ее не было ни одного перебоя.

«Маленькую Кето» окрестили рабочие этим ласковым прозвищем по имени

одной девушки. Девушка эта помогала ленинградскому мастеру устанавливать и регулировать новую машину. Подобно тому, как эта машина — агрегат третьей степени точности — была в то время редкостным механизмом в городе, участвовавшая в ее установке и наладке металлистка Кето была тоже редкостным человеком. В то, что женщина может участвовать в подобном деле, исполнять мужскую работу, в то время мало кто верил. Да и всю эту историю происхождения прозвища «Маленькая Кето» во всех ее подробностях знал лишь один седой старик — мастер. Рабочие не интересовались, откуда взялось это прозвище. Аккуратная, сверкающая никеллированными частями, чистая машина называлась «Маленькой Кето». Лучше нельзя было и придумать.

— Что случилось с «Маленькой Кето»? — спросил инженер Герасим Кавадзе у начальника цеха, к которому пришел узнать причины аварии.

— Что с ней случилось? А вон она, инженер, твоя «Маленькая Кето», поди,

разберись, что с нею стряслось. Привычной руки нет около нее, вот что! — выпалил ему в ответ начальник цеха.

— Что делать, что нам делать? — стонал директор, размахивая руками.

Но Герасим, пока продолжалась эта перепалка, успел уже отвинтить какие-то винты и отнять от машины одну из частей. Покачивая головой, он возился с перетертым и перегретым сочленением.

— Можно еще помочь беде? — спросил опять директор.

— Безнадежного с машиной ничего не случилось. Меня беспокоит другое, — отвечал инженер. — Авария вскоре повторится. Около нее нет привычного работника, в этом вся беда! — И сразу приказал начальнику цеха: — Соберите в перерыве всех рабочих, которые работали на этой машине.

— У нас на заводе таких рабочих больше нет, — ответил начальник цеха. — Было трое — да все трое ушли в Красную Армию.

Инженер опечалился. Он обвел взглядом шумный, хлопотливый цех и вдруг почувствовал нависшую в воздухе опасность аварий. Старые, испытанные, искусные рабочие виднелись в цехе лишь кое-где. Много опытных рабочих ушло на фронт. У станков остались молодые, свежее-обученные и неопытные люди. Их можно было узнать с первого взгляда по тому, как они нечетко, суетливо двигались среди расставленных в конвейерном порядке агрегатов.

— Что же, неужели от этих трех человек зависит вся наша судьба? — сказал резко Герасим. — Прошу вас говорить о деле, товарищ начальник цеха.

— Да и из тех-то трех разве одному Викентию Кодашвили и можно было бы доверить эту машину, — подлил масла в огонь заведующий цехом.

— Викентий Кодашвили! Да что ты к нему привязался? Не поверю я, чтобы никто, кроме твоих трех любимцев, не мог разобраться в этой злосчастной машине! — Герасим совершенно распалился: — Что ты со мной делаешь! Я

со дня на день жду срочного военного заказа.

— Был, положим, еще один работник, который знал вашу машину. По правде сказать, он был получше и вашего Кодашвили и его учеников, а то и всех их вместе, — вполголоса, несмело вмешался в разговор хромой табельщик, свидетель почти всех перемещений и изменений на заводе за последние годы.

Внимание всех обратилось к нему.

— Да ведь этот четвертый — женщина! — накинулся на табельщика начальник цеха нетерпеливым тоном, точно говоря ему:

«Не суйся не в свое дело, ступай лучше на свое место, к табельной доске, да перевешивай свои номерки!»

Но Герасим так и вцепился в табельщика:

— Ну, так где же она?

— Где она — передразнил сердито начальник цеха и, перебив ответ табельщика, заторопился: — Что ж ты, забыл, где она? Как же, свет на тебе клином сошелся, некуда было больше

ей деться! Да у нее уже нынче четверо ребят.

И исчез в глубине цеха, среди ремней и огромных трансмиссий.

Герасим Кавадзе вздрогнул при этих словах. Словно пуля ужалила его в сердце. Да, такая уж у него оказалась судьба. А он-то думал, что забыл Кето, забыл навсегда! Нет, не по своей воле рождается человек на свет, и не может уйти от какой-то преследующей его руки. Вот опять встал в его памяти образ маленькой Кето. Как он может ее забыть? Вон, в том углу она обычно отдыхала в перерыве, завтракала, и перед уходом поправляла в зеркальце волосы, брови, берет. Точно живую видит он ее среди машин, с ее как будто изваянной из мрамора стройной фигуркой, ярким, словно светящимся лицом, синими глазами, сияющими из-за частых, черных ресниц, и длинными, словно выточенными из слоновой кости пальцами.

Он познакомился с Кето, когда завод еще только строился, и тогда же он впервые увидел и Викентия Кода-

швили, и начальника цеха. Это было давно. Поезда привозили из Ленинграда машины и станки, тщательно забитые в прочные сосновые ящики. Инженер Герасим Кавадзе, тогда еще только полуобразованный слесарь, работал рабочим на сборке завода. К ленинградскому мастеру, который устанавливал эту машину и пускал ее в эксплуатацию, приставили трех помощников: Викентия Кодашвили, Кето и Герасима Кавадзе. Оба парня отлынивали от работы, а Кето прилежно и внимательно помогала приезжему мастеру. В результате вышло так, что после пуска машины Герасим и Викентий оказались подчиненными Кето.

Герасим принял это в обиду. Кето нравилась ему, он хотел на ней жениться. Он не мог и часа выдержать, не увидев ее, не поговорив с нею и не перекинувшись шуткой. И Кето в ответ иногда одаривала его улыбкой, показывая ровные белые зубы и ласково щуря глаза под черными бровями. Но все повернулось иначе. Викентий Кодашвили сманил у него Кето.

Да, да, Викентий Кодашвили, друг, товарищ в беде и в счастье, отнял у него невесту.

А сама Кето — стал Герасим замечать с некоторого времени — хоть и не отказывала ему в ласке на расстоянии, на самом деле была предана Викентию душой и сердцем.

Сожгла, отравила Герасима неразделенная любовь. Словно лосось в мелководье, бился и метался он из стороны в сторону. На заводе он не мог выдержать. Быть свидетелем чужого счастья, глядеть, как Викентий и Кето не нарадуются друг на друга? Нет, это было невозможно. Герасим бросил завод и некоторое время ходил без дела, кружил по пригородам и шатался по проспектам. Угрюмый, озлобленный, он встретился однажды ночью в темноте с Викентием; они били и рвали друг друга, пока их не розняли какие-то прохожие люди.

Весь в синяках и кровоподтеках, он явился на следующее утро в райком. Он уже раньше просил отправить его куда-нибудь на учебу, и ему сразу

предложили путевку на машиностроительный факультет. Герасим ухватился за нее. Лишь бы только не дышать больше этим воздухом, уехать из этого города, где Кето и Викентий были счастливы, а он несчастен, — Герасим готов был хоть в преисподнюю. В институте еще два года ему мерещилась маленькая Кето. Днем он не знал покоя, ночью — сна. К концу года у него оставались несданные предметы.

Но вот, наконец, пропала последняя, еще теплившаяся в нем надежда. Как-то летом он приехал в Тбилиси на каникулы и неожиданно встретил Кето в трамвае. Она была худа, как щепка. На переносице и в складке ноздрей залегли коричневые тени, светлая, прозрачная кожа была покрыта россыпью веснушек. В руках она держала — и это было обстоятельство, огорчившее Герасима превыше всего — завернутого в красное одеяло ребенка. Повидимому, она спокойно возвращалась домой из детской консультации.

— Восемь месяцев малышу, а весит десять кило! — говорила она с гор-

достью соседке, тоже державшей в руках ребенка.

Герасим не вытерпел и окинул ее взглядом. И пожалел, что не ослеп в ту же минуту. Ребенок, лицо которого виднелось из одеяла, был похож на Викентия, как одна капля воды на другую. Он почти ссутулился от горечи и злости, тяжкое чувство обиды согнуло его. Старые следы кулаков верзилы Викентия заняли на его теле, точно незажившие раны. Пристыженный, он незаметно вышел из вагона на первой же остановке.

Но взгляд его не мог оторваться от трамвайного окна, за которым сидела Кето. Вдруг она оглянулась и увидела Герасима. От ее взгляда у него словно что-то оборвалось внутри. Хорошо, что трамвай тронулся и сразу скрылся за углом, что кончилось это жгучее чувство стыда за свою неутоленную любовь и потерянное счастье...

— Она ведь вышла замуж за Викентия! — пробормотал угрюмо Герасим Кавадзе.

— Ну да, вышла замуж—я же тебе

говорю, что у нее уже четверо детей, — сказал не без злорадства начальник цеха.

— Ну, ладно, жалеть теперь поздно! Пошлите скорее кого-нибудь к Кето, пусть зайдет к нам поскорее, — сказал Герасим решительно и направился к небольшой комнате в конце цехового помещения, где он работал.

В два часа дня руководители завода собрались в кабинете директора. Завод получил новый заказ. Незнакомый человек в военной форме держал под мышкой чертежи — толстые рулоны свернутой в трубку кальки и вощенной бумаги.

Когда приемка заказа была уже закончена, вошел начальник цеха. Следом за ним шла женщина, которая остановилась у дверей и, повидимому, не решалась переступить порог директорского кабинета. Но начальник цеха подал ей знак, приглашающий войти, и женщина сделала несколько шагов внутрь комнаты.

У Герасима сперло дыханье. Это была она, она, маленькая Кето, любовь к

которой так сильно взбудоражила и перевернула жизнь простого рабочего парня, что заставила его покинуть родной город.

Но перед ним была теперь зрелая женщина, в которой от былой шаловливой девушки сохранились только быстрые глаза, тонкая, чистая кожа на лице да точеные пальцы.

Впрочем и в глазах видна какая-то перемена. Уже не мерцают когда-то игривые зрачки, не вздрагивают ресницы, взгляд устремлен в одну точку и затуманен тайной печалью.

Герасим встал и подошел к ней.

— Как живете—поживаете, Кето?—спросил он ее и сам удивился спокойствию своего голоса.

— Викентий на военной службе, дети здоровы — ответила Кето.

— Вам говорили, зачем мы просили вас зайти на завод? Вы видели машину?

— Да, мне уже сказали, я знаю, — и Кето взглянула на начальника цеха.

— Вы не позабыли вашей машины? Справитесь с нею?

— Ну, позабыть я ничего не позабыла, да и поздно спрашивать, справлюсь ли я с нею: она уже работает, как часы. Я прочистила масляные резервуары да переменила пару шариков. Только дело в том, что этой машине нужен привычный работник. Она чувствует чужого, как ребенок.

— Ну что же, привычнее вас нам никого не найти. Оставайтесь у нас на заводе и будьте, как раньше, хозяйкою «Маленькой Кето»! По рукам?

— Хорошо, только с одним условием: я знаю еще двух дельных женщин, мужа которых на фронте. Они научатся быстро, вы удивитесь, как скоро они овладеют машиной. Так вот, разрешите мне привести и их на производство — ведь завод будет работать, вероятно, в две, а то и в три смены — меня одной не хватит.

— О, пожалуйста, пожалуйста, мы будем только довольны, — вскричал Герасим с радостью.

— Я уполномочиваю вас привести

хоть завтра не двух, а двадцать и тридцать рабочих. Дела на всех хватит, — вмешался в их разговор директор завода, незаметно подошедший к Герасиму и Кето и прислушивавшийся к их словам.

С этого дня уже никто на заводе не слышал, чтобы «Маленькая Кето» вышла из строя, дала перебой или заупрямилась. Начальник цеха и не подходил к ней—разве только на минуту, передать чертеж заказа Кето и ее двум помощницам, которые ухаживали за машиной, как за грудным младенцем.

Да и зачем бы он стал ходить к «Маленькой Кето» без нужды? Машина была в надежных опытных руках, и рабочие цеха частенько повторяли:

— Наша «Маленькая Кето» была машиной третьей степени точности, а вот, поди же, работает по первой!

И оглядывались на «Маленькую Кето» с уважением.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

С тех пор, как Георгий Теделури стал пенсионером, прошло немного времени. Производство он оставил совсем. Лишь изредка он выходит в город — все же свое время проводит в саду своего домика на окраине города, ухаживая за парой растущих в нем деревьев и несколькими грядками.

Иногда, впрочем, он берет в руки привычные инструменты — пилу, молоток и тиски, чтобы смастерить внукам какую-нибудь игрушку из старого ржавого железного листа или выброшенной жестянки из-под консервов.

Внуков у него, пожалуй, душ пятнадцать.

Взяв готовые игрушки подмышку, Георгий медленно, размеренным шагом пускается в путь. Проходя по Надзаладевскому мосту, он подолгу смо-

трет сверху на темные корпуса заводов, прислушивается к могучему биению их пульса. Георгий вырос, возмужал и состарился среди машин; клубы белого пара, запах мазута и смазочных масел окружали его с детства. Завод только что не был ему отцом и матерью.

Часто он выговаривал себе: «Дурень, старый дурень! Ну, скажи, зачем ты поторопился бросить производство? Твое ли дело праздная жизнь, тебе ли ее выдержать? Или не успеешь полежать, сложа руки, без дела в могиле?»

Раза три он даже решил было вернуться в цех. Но жена воспротивилась: «Коли уж обязательно хочешь снова работать, — говорила она, — так прежде, отдохни хоть год». И выложила тысячу доводов в пользу необходимости годового отдыха. И, наконец, видя, что ничего не может поделать с его упрямством, попросту прикрикнула на него, дескать, не пущу тебя больше на производство, и все тут.

Этот довод Георгий уже не смог обойти ниоткуда. Что ж, он поко-

рился жене — единственному человеку, кому он покорялся на протяжении сорока пяти лет своей женатой жизни.

Вычисляя годы, старик ушел в воспоминания.

Мысленно он сопоставил картину, которую впервые увидел примерно с этого же самого места сорок пять лет тому назад, с тою картиной, которая открывалась его глазам сегодня. Образ, вырисовывавшийся в его воспоминании, походил на сегодняшнюю действительность, как ребенок, только что начавший ходить, походит на доброго молодца с закрученными усами.

Словно фонтан из лопнувшей водопроводной трубы, забил в его голове поток мыслей и сравнений. Он следовал за ними все дальше, дальше, все глубже — и, казалось, мыслям не будет конца.

На дворе шел холодный, мокрый снег. Он не любил эту сырую, мрачную погоду, возбуждавшую в нем беспокойные мысли. А причин для беспокойства у него было и без того немало. Два его младших сына ушли на

фронты отечественной войны, туда же отправились и три внука, дети старших сыновей. На фронте была и внучка — дочь замужней дочери.

Письма, которые присылают они с фронта, лежат у него вместе с их фотографиями в кармане, на груди. Он часто вынимает их, разворачивает, читает жене.

На улице, в саду, в тишине или среди шума его преследует одна мысль: найти себе такое занятие, чтобы быть полезным родине, детям и внукам, помочь им чем-нибудь.

Это стремление родилось в нем в первые же дни отечественной войны. С тех пор его безостановочно терзает тоска, жестокая тоска от бездействия.

В последние дни им овладело даже чувство стыда за свою праздность.

«Георгий Теделури! И не стыдно тебе сидеть, сложа руки, в дни отечественной войны?» — говорит ему тайный голос с укоризной.

— Я больше не выдержу такой жизни, у меня разорвется сердце. Я должен вернуться к своим котлам, иначе,

я не знаю, что со мной станет! — сказал в это утро Георгий жене и приготовился уйти из дому.

Открыв крышку старого сундука, он достал хранившиеся в нем пачки справок, паспортов, книжек, удостоверений, которые он собирал в течение сорока пяти лет. Все эти пачки он перенес на стол, разложил в хронологическом порядке, словно исследователь-историк, и выделил несколько удостоверений. Эти отложенные в сторону бумаги были ему дороже жизни. Они остались от того времени, когда он сражался в рядах борцов против буржуазии.

Февральская революция застала его в Валуйских железнодорожных мастерских. В начале 1918 года большевистский рабочий комитет, назначив его начальником над двумя десятками людей, поручил ему поспешный ремонт поврежденного в боях бронепоезда.

В мороз и ветер, вдаль от мастерских, где-то среди поля Георгий врачевал тяжелые боевые раны поврежденных бронепоездов.

Изобразив на стенках паровоза и

вагонов красную звезду, бригада отправляла восстановленные поезда на фронт.

Кончилась гражданская война. Георгий решил вернуться домой, в Грузию.

Командование Красной Армии вручило ему благодарственную грамоту и поднесло в подарок кожаную куртку и фуражку.

С тех пор Георгий берег эти документы пуще глаза. Так он любил это время и память о нем, что лишь взгрозившихся к нему на колени внуков достаивал беседы об этих далеких днях, а от всех остальных отмахивался, если они уж очень приставали:

— Да отвяжитесь вы от меня! Слишком долгие эти рассказы!

Но после того, как его оставляли в покое, на невидимом экране его воображения еще один раз проносились, сменяя одна другую, сложенные в памяти картины и дорогие образы — незабываемый Ленин, Иосиф Джугашвили, и десятки и сотни самоотверженных борцов.

— Клянусь моими детьми, ты, кажется, опять хочешь где-то затеряться, как в те годы! — сказала ему жена, увидев на столе вороха всех этих старых бумаг: — Да кому ты теперь нужен, старик?

— Ну, если в бою я уже не гожусь, так ведь котлы-то меня зовут, мои котлы, мои заржавелые, ждущие лечения братья и сыновья, мои дышащие паром воины, мои воспитатели и воспитанники!

И, отмахнувшись от дальнейших разговоров, быстро выбежал на улицу и направился прямо в фабком.

Уборщица проводила его в фабком со всеми знаками особого уважения. Секретаря в эту минуту не было в кабинете. Георгий выглянул в окошко.

Словно нарочно, мощный ФД вел в это мгновение мимо окон фабкома на буксире три поврежденных паровоза. У одного был разбит тендер, у другого не было видно дымовой трубы, у третьего, словно его выпотрошили, торчали наружу, незакрытые верхней частью котла, жаровые трубы

Паровозы вернулись с войны, они были ранены, они исполнили свой долг.

— И как это я до сих пор выдержал дома? — воскликнул Георгий и обернулся.

Секретарь фабкома сидел на своем месте. Георгий подошел к нему и высыпал перед ним свои документы.

— Вот это все мои справки,—сказал он,—пустите меня назад в котельный цех, к моим котлам. В такое время я не могу расстаться с моим делом, с моими друзьями.

И добавил:

— По бронепоездам я тоже работал, ежели понадобится там, на фронте, — я готов хоть сейчас.

Секретарь фабкома что-то ответил ему в знак согласия, но Георгий не слышал. Слух его был уже слабоват, и в ушах у него стоял лишь шум пневматиков.

Ему не терпелось войти в цех и взяться привычной рукой за рукоятку пневматика, повесив тут же поблизости кожаную куртку и фуражку, память гражданской войны.

СОДЕРЖАНИЕ

Наши старые знакомые	3
Испытанная рука	25
Возвращение	40

2578/07.

Редактор А. Абашели.

Подписано к печати 5 марта 1943 г. Об'ем
1½ печ. листа. В 1 печ. листе 31.360 ти-
пографских знаков.

Тираж 7.000.

Заказ № 3290.

УЭ0681.

Отпечатано в типографии им. А. Ф. Мясни-
кова издательства «Заря Востока». Тбилиси,
пр. Ру斯塔вели, № 36.

